

Представляем авторов очередной литературной странички нашей газеты. Со стихами выступают дверевой консового цеха № 2 Владимир Чурилин, вальцовщик листопрокатного цеха № 2 Александр Тюнькин, руководитель литературного объединения «Магнит» Александр Павлов, машинист крана Леонид Чернышов. Инженер отдела научно-технической информации Михаил Ефимович Чурилин рассказывает о воплощении в жизнь ленинского плана индустриализации страны — зарождении Магнитогорского металлургического комбината. Напоминаем, что до завершения литературно-художественного конкурса остается месяц.

Владимир ЧУРИЛИН НА БОЛЬНИЧНОМ

Который день я не желаю спать,
Над пепельницей грудой — папиросы,
Который раз встревоженная мать
Средь ночи у дверей встает
вопросом.

А я молчу,
киваю.
Но сижу.

Какой тут сон?
Какая тут усталость?
Коль месяц на работу не хожу
И руки от безделья зачесались.
Сейчас бы в ночь,
А после — снова в ночь,
Железо мять в холщовых рукавицах,
А уж когда и двигаться невмочь,

По веткам резко шелкала капель,
И радугой выпячивая спину,
Бухарский кот обнюхивал апрель,
Из форточки являсь наполовину.

Прийти домой и спать,
покуда спится.
Вот это — сон!
Вот это — наповал,
Упасть, очугуев усталым телом...
Да я б тогда и вовсе не вставал,
Когда бы знал,
что все на свете сделал.

Березозол пришел, березозол,
Апрель пришел, если сказать иначе.
Злой до берез, он режет каждый
ствол

Кривым ножом,
И вот березы плачут —
Сбегает сок в бутылки и ковши,
И лысый дядя, осушив полкружки,
— Пользительны березки, хороши...
На ухо шепчет розовой толстухе.
Апрель пришел, иначе водолей,

Голубизна раскалывала сад,
И, очумев зелеными глазами,
Кот целый мир баюкал на усах
И шевелил поэтому усами.
А мир мурлыкал, вздрагивал и звал,

Летит вода, журчаньем веселым.
Ужели мы безжалостней и злей,
Чем те, кто звал апрель березозолом,
Ужели в наших чудо-городах
Мы так привыкли к прочности и силе,
Что не приходит к нам березострах,
Тот самый страх за нежную Россию,
За хрупкие, бескрайние леса...
Бескрайние, но если приглядеться —
Тяжелый след ноги и колеса
Впечатался в березовое сердце.
Апрель пришел, иначе снегогон,
Еще иначе квинтень или цветень...
Уже трава пружинит под ногой,
В густых вершинах путается ветер,
Шумит река, как тихая свирель,
Выносит банки, склянки, разносолы...
И все-таки в страну пришел апрель,
И он куда светлей березозола.

Ласкался мир, как маленькая
кошка,
И так шерстили мыши сеновал,
Что кот вздохнул и...
выпал из окошка.

Александр ТЮНЬКИН

Уральская сталь кандалами звенела,
казацкой нагайкой по спидам
свистела.
От крови ржавела.
От боли ржавела.

Какая бунтарская, ярая сила
тебя в подневольном горниле калила?
Как старой подковой с коня Емельяна
звенел под Чапаевым резвый
буланый?
Музейные сабли украсили стены.
А сколько клинков проглотили
мартены,

чтоб свору фашистов в известные дни
разбить на щите из уральской брони.
Заделаны бреши, залечены раны.
Построены вновь прокатные станы,
Чтоб стали уральской рабочий закал
фундаментом прочным для мира
бы стал.

Александр ПАВЛОВ

Налетели туманы на город.
Третьи сутки жирет куржак.
Третьи сутки по солнышку голод,
и туманные думы кружат.
Из житейских каких переплесков
родилась ты, проклятая боль!
Ты застыла, как память на фресках,
ты вошла в свою хваткую роль.
Сбавил шаг — наступает на пятки
непоседливо прожитый день.
— Все в порядке, — молчишь,
— все в порядке...
А на сердце сомнения — всклень!
Что ж ты, славный туманистый
город,
поволокой своей не закрыл?
Вижу: грозами сумрак расколот,

и пригнулся к земле чернобыл.
И опять маета по беспечным,
занесенным снегами углам,
по дорогам земли бесконечным
и морзянке родных телеграмм.
Адреса, голоса и улыбки
налетели, порушив покой.
И качается память, как в зыбке,
далеко за чертой городской.

НОВЫЙ ДЕНЬ

Еще восходу не хватило
законных сил,
но тут и там
поют будильники в квартирах,
как петухи по деревням.
Неодобрительно зевая
и глядя вдаль из-под руки,

ворожат на свои трамваи
гонцы рассвета — рыбаки.
Еще дома темны, как боги,
и развиднелось на аршин,
и хлебовозки в полдороге,
и поливалки нет машин.
Но день пришел.
Все дальше звезды.
Нет-нет и вспыхнет огонек.
Все глубже даль, упруге воздух
и невесомее восток.
Как тяжело на склоне лета
с проспектов уплывает тень...
Но день пришел.
По всем приметам
отменный августовский день.
Еще по кухням холодильники
к хозяйским хлопотам глухи...
Но заливаются будильники,
совсем как в селах петухи.

Леонид ЧЕРНЫШОВ

Стихами, каждой строчкой своей
Я ближе к тем,
кто труженик бессонный,

Кто вечно у мартеновских печей
Стоит в жару
в спецовке просоленной.
Магнитки сыном быть —
святая честь.

И, слушая ее сердцебиенье,
Умеем мы работать и гореть
Без промедленья, каждое
мгновение.

Михаил ЧУРИЛИН

Так начиналась Магнитка

Магнитогорск — это чудо... Не много найдется городов, столь заслуживающих бессмертия, как Магнитогорск...

Эмануил Казакевич.

Магнитка. Магнитогорск... Легендарная Магнитка... Для советских людей это не просто слова и не только название города. «Магнитка» — это символ социалистических преобразований, символ мужества, творчества и энтузиазма, народного таланта и героического трудового подвига. Возникнув в годы первых пятилеток, Магнитка вот уже полвека по праву является стальным сердцем Родины, с честью несет высокое звание флага черной металлургии страны.

Магнитке скоро исполнится 50 лет, но ее биографическое начало следует начинать не с первых палаток у горы Магнитной и не с первых плавков магнитогорского металла, а гораздо раньше. Его необходимо исчислять с первых дней Советской власти. У истоков биографии Магнитки стоял великий Ленин.

В первые месяцы после Октябрьской революции он с особым вниманием следил за развитием промышленности Урала. После заключения Брестского мира в марте 1918 г. В. И. Ленин уделил особое внимание Восточным районам, понимая, что только развитием здесь промышленности можно было компенсировать потерянную в результате кабальных условий Брестского договора южную угольно-металлургическую базу.

В своей работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин указывал на необходимость разработки естественных богатств Урала и Сибири. Он не случайно указывал в первую очередь на эти жизненно важные экономические районы и ставил их рядом.

В решении этой проблемы Ленин видел одно из главных направлений успешного осуществления плана социалистического строительства. Это целиком отвечало идее первоочередного развития тяжелой индустрии и прежде всего черной металлургии. Соединение железа Урала с углями Кузбасса целиком соответствовало рациональному размещению производительных сил в России. И самое главное — решение проблемы Урало-Кузбасса давало возможность молодой Республике Советов самостоятельно обеспечить себя важнейшими видами сырья и промышленной продукции.

Многие документы и воспоминания крупных деятелей партии показывают, что В. И. Ленин в марте—июне 1918 года проявлял исключительный большой интерес к Урало-Кузнецкой проблеме, рассматривая ее как важнейшую государственную задачу.

По указанию В. И. Ленина горнометаллургический отдел ВСНХ объявил конкурс на проект создания единой хозяйственной организации,

охватывающей область горнометаллургической промышленности Урала и Кузнецкого каменноугольного бассейна.

Урало-Кузнецкая проблема подробно обсуждалась на Первом Всероссийском съезде Советов Народного Хозяйства, проходившем в конце мая и начале июня 1918 года. В работе съезда принимал самое деятельное участие В. И. Ленин. В своей речи на съезде он подчеркнул огромное значение задач, стоящих перед Высшим Советом Народного Хозяйства и местными советами, по организации хозяйства на социалистических началах.

На съезде отмечалось, что главный выход из тяжелого положения с металлом в стране в настоящее время и в будущем — в перемещении металлургической базы на Урал и в Западную Сибирь.

Ленинская идея индустриализации Урала и Сибири начала приобретать конкретные формы. В середине июня 1918 года при горно-металлургическом отделе ВСНХ была образована Уральская комиссия, которой было поручено координировать работы по проектированию Урало-Кузбасса. К этому времени относится опубликование плана развития металлургии на Востоке. В Кузбассе намечалось построить два завода: один — возле г. Кузнецка на базе местных магнитных железняков и второй — в северной части бассейна на привозных уральских рудах. В этом документе впервые была высказана идея «маятника»: уголь Кузбасса — Уралу, руда Урала — Кузбассу.

В то же время следует отметить, что работа по проектированию Урало-Кузбасса велась в весьма сложных условиях. Причин тому было очень много. Во-первых, внутри партии были противники этой идеи — троцкисты; во-вторых, со второй половины 1918 года, в связи с гражданской войной и интервенцией, работы над проблемой Урало-Кузбасса были приостановлены. Вновь к ним вернулись уже после изгнания белогвардейцев с Урала и Сибири; в третьих — велась ожесточенная борьба прогрессивных и консервативных сил вокруг технических возможностей и проектируемых мощностей заводов — отсюда появлялось множество вариантов проектов, которые не всегда имели экономические расчеты и т. д.

Все это убеждало, что дальнейший успех Урало-Кузбасской проблемы невозможен в отрыве от планов других районов страны и осуществляем только в общегосударственном масштабе. Именно такой общегосударственный масштаб и получила Урало-Кузнецкая проблема в Ленинском плане ГОЭЛРО. Уральский и Западно-Сибирский экономические районы вошли в план ГОЭЛРО как его важнейшая составная часть.

(Продолжение следует)

Фотоаппарат прочно вошел в нашу жизнь.

С фотоаппаратом работают, с фотоаппаратом отдыхают, с фотоаппаратом охотятся. Подчас столько усилий приходится приложить, чтобы сделать интересный снимок. Но все потери оправдываются. Ведь фотография живет очень долго, а вместе с ней живет и наша память. Фотография не подменяет память, она лишь напоминает ей о стольких красотах природы, о которых мы, городские жители, иной раз и забываем.

На снимке: удачная точка съемки.

Фото М. Копытина.